

В рамках дискуссии

УДК 327.3

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Инвайронментализм как постидеология: концептуальная рамка постмодерна

Николай Сергеевич СКИПИН

научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: skipin@inion.ru

ORCID: 0000-0003-4267-0099

ЦИТИРОВАНИЕ: Скипин Н.С. Инвайронментализм как постидеология: концептуальная рамка постмодерна // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 196–208.
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Статья поступила в редакцию 06.11.2023.

Исправленный текст представлен 18.02.2024.

АННОТАЦИЯ. Исследования такого явления, как постидеология, в отечественной научной литературе нельзя назвать популярными (на конец октября 2023 г. всего 19 научных работ с ключевым словом «постидеология» включены в РИНЦ на базе ELibrary), тогда как западные исследователи заговорили о конце «старых» идеологий еще в 1960-х годах. Несмотря на это, сам феномен постидеологии изучен слабо и требует концептуализации. Данной статьей автор попытался показать концептуальную рамку проработанного другими исследователями такого явления, как идеология, и, отталкиваясь от результата, обозначить существенные характеристики и атрибуты уже постидеологии. Такой подход позволит обнаружить сходства и различия рассматриваемых явлений, а также обнаружить существующие проявления постидеологии в современном мире. Так, на примере политического движения «зеленых» автор показывает, что ин-

вайронментализм, который является их идеологической платформой, нельзя отнести к классическим идеологическим течениям, но можно охарактеризовать как постидеологическое явление. Под полученную структуру постидеологии подходят и другие популярные современные общественные и политические движения, такие как феминизм, Black Lives Matter, трансгуманизм, популизм, глобализм, антиглобализм и пр. В статье дается сравнительная таблица, где показаны основные различия идеологии и постидеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология, постидеология, метанарратив, инвайронментализм, модерн, постмодерн, легитимация, структурализм.

По причине того, что объектом данного исследования выступает постмодернистский феномен – постидеология – текст будет начинаться с ироничного замечания, что еще в 2012 г.

в отечественном журнале «Логос» был опубликован перевод статьи 2008 г., где американский исследователь оповещает, что «настала эпоха постидеологии» [Гренинг, 2012, с. 217]. И лишь в 2017 г. выходит статья отечественного автора, где в первом же предложении говорится, что постидеология – «сравнительно новый феномен, по сути своей еще даже не сложившийся в полной мере» [Гаршин, 2017, с. 140]. При этом о «конце» классических идеологий еще в 1960 г. высказался Д. Белл [Bell, 1960], а у самого феномена «постидеология» есть свои глашатаи [Жижек, 1999]. Но наступила ли эпоха постидеологии или данный феномен еще не сложился в полной мере – этому исследовательскому вопросу посвящена данная статья.

Основополагающим тезисом, с которого берет начало исследование, является положение о том, что идеологии – это модернистские явления, а постидеологии (например, инвайронментализм), соответственно, постмодернистские. Здесь возникает необходимость (для однозначного понимания озвученных предпосылок) остановиться подробнее на используемых понятиях.

Модерн – идеология

Стоит сразу отметить, что под модерном (как и постмодерном) в этом исследовании понимается не историческая эпоха и не направление в искусстве, хотя и то и другое (и, вероятно, многое иное) имеет отношение к тому, что вкладывается в это понятие. Под модерном в этом исследовании понимается та форма мышления, которая и привела к исторической эпохе модерна с присущими для нее явлениями.

Прежде чем дать формулировку модерну, мы опишем некоторые характеристики, которые являются особенными для него. Основное, можно сказать,

главное, что выделяет модерн в нашем понимании от «не-модерна», – появление и главенствование **метанарративов**. Мышление модерна породило такие структуры, как метанарративы, которые сами по себе являются глобальными нарративами истории общества, так как «метанарративы описывают не что иное, как историю человечества» [Маслов, 2015, с. 150]. Разумеется, метанарратив не одно и то же с историческим нарративом; от исторического нарратива предыдущих состояний общества метанарратив отличается тем, что «часть событий метанарратива относится к области будущего, следовательно, говорить об отражении реальности в буквальном смысле нельзя: саму реальность еще нужно предсказать» [Маслов, 2015, с. 150]. Сама же предсказываемая реальность в силу такой особенности мышления модерна, как **рационализм**, является продолжением той действительности, которая есть (или ожидается), а следовательно, сама является действительностью, которую принято называть **прогнозом**. Этот прогноз **детерминирован** логикой и структурой метанарратива, он безальтернативен, так как легитимизирован научно (об этом подробнее будет сказано дальше).

У метанарратива есть **автор** – «истинный жрец и провидец, вещающий от имени Истины и выражающий нравственный идеал» [Лымарь, 2010]. Автором метанарратива выступает конкретный человек или группа людей, а сам метанарратив распространяется также вполне конкретными способами – в виде **документа** (произведение, манифест и т. п.). Появление таких документов приводит к возникновению **метадискурса** – дискурса метанарративов, или дискурса нарративов внутри метанарратива, за пределы которого нарративы выйти не могут. И, апеллируя к авторитету, согласимся, что

«...когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т. п., – то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают называть «модерном»» [Лиотар, 1998, с. 10]. Поэтому методологии, легитимирующие метанарратив тем, что соотносятся с действующими научными парадигмами (тем самым подтверждающие истинность методологии), – рукотворный продукт.

Исходя из всего этого, можно сказать, что метанарратив – это авторская исторически всеобъемлющая трактовка действительности, являющаяся паттерном мышления для общественных масс. **А модерн – это состояние общества, когда основной формой освоения им действительности является метанарратив.**

Ж.-Ф. Лиотар отнес к метанарративам такие идеи, как «рационализм, сциентизм, антропоцентризм, возможность абсолютной свободы личности, освобождение человечества, просветительский исторический прогресс, эмансипация, легитимность знания, просветительская трактовка знания как инструмента разрешения любых проблем, познаваемость всего и вся наукой, классический социализм и коммунизм, христианское спасение, гегельянский мировой дух, романтическое единство, нацистский расизм, кейнсианское равновесие, материальное изобилие и т. п.» [Волков, 2015, с. 3]. Как можно заметить, перечисленные примеры объединяет наличие конечной цели, или присутствие **целеполагания**.

Атрибутивный характер целеполагания у метанарратива отмечают такие исследователи, как П. Рикёр и Д. Карр, которые «утверждают родство структуры нарратива и структуры целепо-

лагания. Выстраивание нарратива ... происходит по тому же принципу, что и планирование действий с ориентацией на некую цель, при этом интрига художественного повествования является подражанием выстраиванию действия в жизни» [Маслов, 2015, с. 151]. В таком случае метанарратив, формируя образ будущего, в том числе подразумевает конкретные шаги или **действия** по претворению этого будущего в действительность. Прогноз, о котором писалось выше, выступает подтверждением необходимости действия, оставаясь важным элементом метанарратива.

Таким образом, метанарратив, устанавливая цель и обеспечивая программой действия по ее достижению, обязан содержать и **этические принципы**, утверждающие и регулирующие социальные отношения. Вся эта монолитная конструкция формирует общественное сознание, состоящее из социальных представлений, ограниченных метанарративом. Социальные представления людей, объединенных метанарративом, являются общим социальным контекстом, формирующим социальную действительность, которая сама по себе **однородна и непротиворечива**. Такой **тотальный** характер метанарратива создает условия, в которых возникают «всеобщие» (в рамках метанарратива) потребности. Это приводит к выводу о том, что ядром метанарратива являются **ценности**, под которыми здесь понимаются «абстрактные, культурно обективированные идеи» [Karwat, 1982, р. 198]. «Всеобщие» потребности определяют «общечеловеческие» ценности, которые, в свою очередь, связаны с социальными представлениями, формирующими социальный контекст/ действительность, в рамках которого есть определенная цель, чей путь достижения регламентирован этической

рамкой, заданной метанарративом. Несмотря на сложность предыдущего положения, оно позволяет подойти вплотную к феномену *идеологии*.

Само появление идеологии является едва ли не главным достижением модерна в нашем понимании. В зрелом модерне метадискурс – это дискурс идеологий. Для того, чтобы связать идеологию и метанарратив, вернемся к ценностям. Современные российские исследователи отмечают, что «фундаментальная ценностная природа политических идеологий обозначается первоначально на уровне определения сущности данного феномена, в какой бы теоретико-методологической парадигме оно не представлялось, а уже затем в процессе анализа его различных аспектов» [Селезнева, 2017, с. 369]. То есть ценности – это стержень идеологии, который определяет этические принципы деятельности, у которой есть конкретная цель, связанная с претворением в действительность определенного образа будущего. Ценности «продуцируются сверху политическими институтами и акторами (государством, политическими партиями, лидерами, политической элитой) и существуют в политико-идеологическом дискурсе (представлены в политических документах, программных и агитационных материалах, политических текстах и выступлениях политических лидеров и представителей элиты и транслируются с помощью средств массовой политической коммуникации)» [Селезнева, 2019, с. 178]. Здесь мы видим, что идеология содержит в себе все характеристики метанарратива, не отличима от него.

Емкую иллюстрацию в подтверждение нашего тезиса еще в 2001 г. привел российский политолог А.И. Соловьев. Схему идеологии в «эпоху *Modernity*» исследователь визуализирует следующим образом: «групповая идентифика-

ция (источник производства интеллектуальных продуктов) ® групповой интерес (объект символического отображения) ® идеология (ведущая идеальная матрица, содержательно представляющая рационально аргументированную систему групповых политических предпочтений и целей) ® идеологическая борьба (условие формирования базовых ценностей и метакодов, обеспечивающих стабильность и интеграцию общества) ® идеологи (центральная страта воспроизводства идеальной сферы политики) ® партии (главный элемент соответствующей системы представительства) ® отношения правящих элит и гражданского общества (основных контрагентов публичной политики) ® политическая демократия (институциональная форма организации нормативно-символической сферы и политического дискурса)» [Соловьев, 2001, с. 14]. Этот алгоритм формирования «нормативно-символических продуктов» содержит в себе все ключевые звенья, упомянутые нами в описании метанарратива: автор (идеологи, партии, правящие элиты), документ (в схеме А.И. Соловьева именуется идеологией), метадискурс (идеологическая борьба и отношения правящих элит между собой и с обществом), цель (групповой интерес), действия (идеологическая борьба), а также этические принципы, ценности и потребности (в виде групповой идентичности).

Позже мы подробнее рассмотрим характеристики «трех главных идейных течений Модерна – либерализма, консерватизма и социализма» [Россия в поисках идеологий..., 2016, с. 65].

Постмодерн – постидеология

Говорить о постмодерне и постидеологии мы будем при помощи основных категорий модерна, отталкиваясь от них, как это делали исследователи до нас.

Исходным положением постмодерна является его «недоверие в отношении метарассказов» [Лиотар, 1998, с. 10], «обнаружилось, что они представляют собой дискурсы господства» [Подорога, 2018]. Это недоверие к метанарративам начинается с критики «методологии и онтологии (преимущественно французского) структурализма, центральным понятием которого являлось понятие структуры» [Найдыш, 2012, с. 7]. Представители данного направления постулировали наличие и тождество универсальных структур бытия и мышления. Любая система содержит в себе структуру – устойчивые связи между элементами, которые вместе с отношениями системы с другими структурами и определяют саму систему. Структурализм продолжает детерминистскую традицию модерна, доказывая, что глубинные структуры мышления формируют действительность, что отмечает в своей работе «Отсутствующая структура» У. Эко. Он видит, что «философский структурализм уже в лице своего основателя К. Леви-Стросса рано или поздно делает невозможный с точки зрения строго научного исследования шаг: переход от понимания «структуры» в качестве «оперативной модели», цель которой – упростить и упорядочить наш опыт, к представлению об «онтологической структуре», выражающемуся в совершенно неправомерном полагании результатов наших исследований непосредственно в ткань самой реальности» [Кондратьев, 2015, с. 99]. Выявление глубинных структур и «подстраивание» под них картины мира можно проиллюстрировать на примере углубления науки начала XX в. в «ткань самой реальности». Так, открытие Резерфордом ядра атома показало наличие новых, более глубоких структур – элементов материи. Не вдаваясь в физические доктрины и результаты современных исследований квантовой физики, скажем,

что реакция на это открытие укладывается в структуралистскую логику: были исследователи, которые объявили о неисчерпаемости материи как принципе [Ленин, 1986], и эта позиция никуда не делась [Водянов, 2008], как и противоположная, находящаяся в поиске бесструктурной материи [Круглый, 2019]. На эти две стратегии указывает и сам У. Эко: «Однако, признав факт сущностного отсутствия Пра-Кода, я должен буду иметь мужество согласиться также и с тем, что в качестве отсутствующей структура, являющаяся конститутивной для всякой структуры, сама по себе не может быть структурирована. А если она таковой предстанет, то это лишь знак того, что за ней скрывается другая, еще более окончательная, еще более отсутствующая, как ни парадоксально это звучит, структура. В таком случае естественным завершением всякого последовательного структуралистского начинания явится умерщвление самой идеи структуры. И всякий поиск констант, желающий называться структурным исследованием и рискующий быть таковым, заранее обречен на провал, грозит обернуться мистификацией, утешительной попыткой выдать неполноту за исчерпанность, очередной ход в игре – за последний» [Эко, 2006, с. 417–418].

При такой дихотомии возникает недоверие не только к метанарративу как структуре, но и к способу легитимации (или самолегитимации) его через соотнесение с научными данными, так как сами данные находятся в статусе антиномий, и их примирение на данном этапе не происходит. Более того, и это отмечает сам Лиотар, *знания и политика* взаимозависимы в процессе легитимации: «В этой перспективе право решать «что верно, а что нет» не может не зависеть от права решать «что справедливо, а что нет», даже если высказывания, подчиненные соответственно той и другой власти, имеют различную

природу. Существует родство одного рода языка, который называется наукой, с другим, называемым этикой и политикой...» [Лиотар, 1998, с. 27–28]. В таком случае действительность, расширенная метанарративом в будущее (прогнозирование, как это было в модерне), – на самом деле не действительность, а фантазия, обман, иллюзия.

Здесь стоит упомянуть о том, что такой проект модерна, как марксизм, обличал идеологию в том, что это «ложное сознание», «иллюзорное сознание». То есть можно предположить, что марксистский проект является постидеологией, так как демонстрирует «недоверие к метарассказам», и рушит логику утверждения о прогнозе как обмане в постмодерне. Противоречий никаких нет, Ю. Хабермас давно отметил, что «изначально идеологии равнозначны с критикой идеологии» [Хабермас, 2007, с. 79], то есть критика идеологий друг другом – естественная процедура метадискурса.

Недоверие к метанарративам, средствам их легитимации и прогностической функции идеологии приводит к тому, что в обществе «начинает формироваться ощущение растерянности, отсутствия определенной «системы координат» и доверия к каким-либо социальным институтам» [Кукарников, Гаршин, 2019, с. 26]. В такой ситуации, когда нет доверия ни образам прошлого, ни образам будущего, на первый план выходит поиск «точек опоры» в настоящем, тем самым дается импульс развития медиа: «масс-медиа и медийные образы и знаки становятся “ключом” для познания современной реальности и иногда даже выступают в роли самой реальности» [Чистяков, 2014, с. 199].

Феномен подмены реальности фантазией, или симуляцией реальности, описал Ж. Бодрийяр. Под влиянием масс-медиа происходит формирование симулякров – нарративов, репрезенти-

рующих нереальные объекты/события/явления [Бодрийяр, 2017]. С одной стороны, критическое восприятие метанарративов приводит к тому, что определенная «иллюзия» уходит из общественного сознания, с другой стороны, нарративы, замещающие метанарратив, не могут претендовать на стройную длительно живущую рациональную самолегитимирующую природу модернистской идеологии. Из-за этого главным элементом постидеологии становится эклектичный краткосрочный эмоциональный и не требующий легитимации нарратив постмодернистской постидеологии. Такой нарратив называется постправдой, а в мире постправды «эмоции замещают факты, а фейки – новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [Чугров, 2017, с. 42].

Всё это подрывает доверие к «авторам» идеологии – идеологам, политическим партиям. Постмодернистская концепция смерти автора снимает легитимацию политической идеологии через авторитет, характеризует постидеологию как анонимный продукт. Само появление документа (без автора) постидеологии происходит неестественным для модерна образом. Если для политического движения модерна свойственно то, что первым появляется манифест/программа и лишь потом политические акторы, то рождение постидеологического документа возникает после появления активистов, озаченных определенной проблемой.

В таком случае говорить о целеполагании постидеологических проектов сложно. Если идеологии модерна подразумевают вполне конкретное видение будущего и четкий план по его осуществлению, то постидеологические продукты формируются вокруг волнующей и не всегда первоочередно важной проблемы. Поэтому действия,

ведущие к достижению цели, такие разные и не могут быть охарактеризованы в рамках модернистских идеологий.

Если нет конкретной единой стратегии (как правило, даже наличие программных документов не решает такой проблемы) у представителей постидеологических политических сил, то невозможно выстраивать этическую рамку, которой необходимо придерживаться для достижения политических целей. Отсюда такой этический плюрализм у современных постидеологических продуктов, потому внутри этих политических сил – динамическая ценностная структура.

Инвайронментализм: идеология или постидеология?

Рассмотрим различия идеологии и постидеологии (таблица 1).

Закрепить указанные различия можно на примере такого постидеологического, на наш взгляд, продукта, как инвайронментализм. Сам инвайронментализм – это «основанное на экологической культуре мышления ... социально-политическое движение, которое борется за сохранение и восстановление окружающей среды, ее воспроизводство ради эффективного для человека протек-

ания экологических процессов» [Скипин, 2023, с. 139].

«Зеленое» движение и инвайронментализм как его основа возникли «в 1960-е годы «снизу» (из недр гражданского общества стран Запада) в ответ на экологические вызовы» [Ровинская, 2021, с. 25]. Каких-либо манифестов или программных документов у зарождающегося инвайронментализма не было. Безусловно, можно перечислить некоторых авторов, повлиявших на создание и развитие инвайронментализма, но как на Западе [Ровинская, 2017; Ровинская, 2021], так и в России [Скипин, Моргун, 2023] «зеленые» движения зародились без своих «95 тезисов» или «Манифеста коммунистической партии». У «зеленого» движения, разумеется, есть программные документы, но важно зафиксировать, что они появляются не для создания движения, а для объединения уже зародившихся очагов общественной организации. На сегодняшний день примером такого документа может служить «Глобальная хартия Зеленых»¹, где обозначены основные принципы и ценности инвайронменталистской идеологии.

Также стоит обратить внимание на реакционный характер инвайрон-

Таблица 1. Основные различия идеологии и постидеологии

Table 1. Main differences between ideology and post-ideology

Идеология	Постидеология
Метанарратив	Критика метанарратива
Автор документа (манифеста, программы)	Отсутствие автора, анонимный и общественный характер
Образ идеального будущего	Решение проблемы
Конкретные ценности и этические принципы	Этический плюрализм и динамическая ценностная структура

Источник: составлено автором.

1 Charter // Global Greens. – URL: <https://globalgreens.org/about/charter/> (дата обращения: 10.10.2023).

ментализма. Появление «зеленых» движений и их идеологической основы происходит из критики как экологического состояния (будь то глобальный масштаб или локальный), так и других политических и идеологических проектов, приведших, по мнению «зеленых», к такому экологическому состоянию. И не важно, в какой политической культуре происходит критика со стороны инвайронментализма: так, на примерах СССР, США, Франции и Японии было показано, что развитие «зеленых» в этих странах происходило по схожему сценарию [Скипин, 2023; Скипин, Моргунов, 2023].

«Зеленый» спектр политических движений имеет множество оттенков: эколиберализм, экосоциализм, экофашизм, «зеленые» анархизм и либертарианство – и это далеко не полный список идеологических ориентаций инвайронментализма. Кроме того, важной особенностью постмодерна как формы мышления является эклектичность и заимствование. Так, Ф. Джеймисон пишет, что постмодернизм «более не производит монументальных работ модернистского типа, но безостановочно перетасовывает фрагменты уже существующих текстов, строительных блоков былого культурного и социального производства в некий новый раздутый бриколаж» [Джеймисон, 2014, с. 174]. В этой связи сложно четко определить инвайронментализм как «левое» или «правое» политическое явление – оно эклектично, заимствует из различных политических платформ удобные под текущие задачи элементы.

Поэтому инвайронментализм не предлагает никакого образа будущего, кроме представлений о решении актуальных экологических проблем. При этом сам характер этих проблем не ясен до конца: в то время как социологи осмысливают глобальное потепление [Beck, 2010] и его последствия

для общества, географы пытаются развернуть фокус внимания на доказательную базу предстоящего глобального похолодания [Корытный, Веселова, 2022]. И здесь происходит столкновение симулякра, нарратива постправды с объективной реальностью. Но если проекты модерна требовали легитимации через науку, проекты постмодерна легитимируются через медиа.

Заключение

Концептуализация «постидеологии» – необходимый шаг к пониманию текущих политических процессов. Используя сравнительный подход, когда анализируются схожие (или родственные) явления по определенным «реперным точкам», удалось показать различия между идеологией и постидеологией. Ключевым, основополагающим различием между этими явлениями является отношение к метанарративам, что клубком разворачивается в дальнейшие расхождения в частностях. «Живым» примером, иллюстрирующим это различие, был выбран инвайронментализм – политическая основа современного движения «зеленых».

Современные политические проекты, из которых возникают общественные и политические движения, не укладываются в систему координат модернистских идеологий. Инвайронментализм, феминизм, BLM, трансгуманизм, популизм, глобализм, антиглобализм и другие течения могут быть охарактеризованы и поняты с точки зрения феномена постидеологии. Критически осмысливая метанарративы эпохи модерна, принимая во внимание специфику постмодерна с его атрибутами: постправдой, симулякром, анонимностью и этическим плюрализмом, – можно подойти к сущности постмодернистской политической реальности.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – Москва : ПОСТУМ, 2017. – 320 с.

Водянов Н.Г. Основы струйной теории элементарных частиц // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 2. – С. 24–28.

Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. – 2015. – № 2. – С. 3–11.

Гаршин Н.А. К вопросу об онтологическом статусе феномена постидеологии // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 3–1 (57). – С. 140–142. – DOI: 10.23670/IRJ.2017.57.126.

Гренинг С. «Южный Парк»: цинизм и другие постидеологические полумеры // Логос. – 2012. – № 2 (86). – С. 215–233.

Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / пер. с англ. – Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. – 414 с.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – Москва : Художественный журнал. – 1999. – 236 с.

Кондратьев К.В. Кривое зеркало «Я»: к теории возрожденного субъекта. – Казань : Казан. ун-т. – 2015. – 145 с.

Корытный Л.М., Веселова В.Н. Мифы и рифы климатической повестки // ЭКО. – 2022. – № 7 (577). – С. 8–30. – DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-7-8-30.

Круглый А.Л. К вопросу об «окончательной теории» // Метафизика. – 2019. – № 2 (32). – С. 55–59.

Кукариников Д.Г., Гаршин Н.А. Постидеология и общество риска: системный анализ концептов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Философия. – 2019. – № 2 (32). – С. 24–32.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. – Москва : Политиздат. – 1986. – 478 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Москва : Институт экспериментальной психологии; Санкт-Петербург : Алетейя. – 1998. – 160 с.

Лымарь О.В. Категория автора в метанарративном тексте: сравнительно-исторический анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 123. – С. 135–142.

Маслов Е.С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2–2 (52). – С. 150–152.

Найдыш В.М. Рационализм и постмодернизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Философия. – 2012. – № 2. – С. 6–14.

Подорога Б.В. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна // Полилог. – 2018. – Т. 2, № 3. – DOI: 10.18254/S0000056-3-1.

Ровинская Т.Л. Американский инвайронментализм как политическая идеология // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 7. – С. 64–72. – DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-64-72.

Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 4. – С. 24–33. – DOI: 10.20542/afij-2021-4-24-33.

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартыанова, Л.Г. Фишмана. – Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2016. – 334 с.

Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Фи-

лософия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: 10.17223/1998863X/49/18.

Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политико-психологический анализ // Политическая наука. – 2017. – № 5. – С. 365–384.

Скипин Н.С., Моргун А.В. История развития экологического движения в России: политические аспекты // Политолог. – 2023. – Т. 7, № 2. – Статья 9. – DOI: 10.18254/S258770110026422-6.

Скипин Н.С. Развитие инвайронментализма и экологической политики Японии, Франции и США в 1950–2000 гг. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 98. – С. 138–150. – DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-138-150.

Соловьев А.И. Политическая Идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5–23.

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. – Москва : Праксис. – 2007. – 208 с.

Чистяков Д.И. Модерн и постмодерн: динамика форм социологического теоретизирования // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 193–205.

Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59. – DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А.Г. Погоняйло. – Санкт-Петербург : Симпозиум. – 2006. – 544 с.

Beck U. Climate for change, or how to create a green modernity? // Theory, culture and society. – 2010. – Vol. 27, N 2–3, March–May. – P. 254–266.

Bell D. The end of ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. – Illinois : Free Press, 1960. – 415 p.

Karwat M. Political values as ideas of social needs // International Political Science Review. – 1982. – Vol. 3, N 2. – P. 198–204.

Under Discussion

DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity

Nikolai S. SKIPIN

Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: skipin@inion.ru

ORCID: 0000-0003-4267-0099

CITATION: Skipin N.S. (2024). Environmentalism as a Postideology: A Conceptual Framework of Postmodernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 1, pp. 196–208 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.01.10

Received: 06.11.2023.

Revised: 18.02.2024.

ABSTRACT. *The research on such a phenomenon as “post-ideology” in the domestic scientific literature cannot be called popular (at the end of October 2023, only 19 scientific works with the keyword “post-ideology” are included in the RSCI based on ELibrary), while Western researchers have been talking about the end of “old” ideologies even in the 1960s. Despite this, the phenomenon of “post-ideology” itself has been poorly studied and requires conceptualization. With this article, the author tried to outline the conceptual framework of the “ideology” phenomenon developed by other researchers, and, starting from the result, to identify the essential characteristics and attributes of “post-ideology”. This approach will make it possible to discover the similarities and differences of the phenomena under consideration, as well as to detect existing manifestations of post-ideology in the modern world. Thus, using the example of the political movement “greens” and their ideological platform that is environmentalism, the author shows that environmentalism*

cannot be classified as a classical ideological movement, but can be characterized as a post-ideological phenomenon. Other popular modern social and political movements, such as feminism, Black Lives Matter, transhumanism, populism, globalism, anti-globalism, etc., also fit into the resulting structure of post-ideology. The article provides a comparative table that shows the main differences between ideology and post-ideology.

KEYWORDS: *ideology, post-ideology, metanarrative, environmentalism, modernity, postmodernity, legitimation, structuralism.*

References

- Baudrillard J. (2017). *Simulacres et simulation*. Moscow: POSTUM, 320 pp. (in Russian).
- Beck U. (2010). Climate for change, or how to create a green modernity? *Theory, culture and society*. Vol. 27, no. 2–3, March–May, pp. 254–266.

Bell D. (1960). *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Illinois: Free Press, 415 pp.

Chistyakov D.I. (2014). Modernity and postmodernity: dynamics of the fundamental theoretical forms. *The Humanities and Social Sciences*. No. 1, pp. 193–205 (in Russian).

Chugrov S.V. (2017). Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? *Polis. Political Studies*. No. 2, pp. 42–59 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.

Eco U. (2006). *The structure is absent. Introduction to semiological research*. Sankt-Petersburg: "Symposium", 544 pp. (in Russian).

Garshin N.A. (2017). On the question of the ontological status of the phenomenon of post ideology. *International Researching Journal*. No. 3–1 (57), pp. 140–142 (in Russian). DOI: 10.23670/IRJ.2017.57.126.

Groening S. (2012). Cynicism and Other Postideological Half Measures in South Park. *Logos*. No. 2 (86), pp. 215–233 (in Russian).

Jameson F. (2014). *Marxism and interpretation of culture*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 414 pp. (in Russian).

Karwat M. (1982). Political values as ideas of social needs. *International Political Science Review*. Vol. 3, no. 2, pp. 198–204.

Kondratiev K.V. (2015). *Distorting mirror "I": towards the theory of the reborn subject*. Kazan': Kazan university, 145 pp. (in Russian).

Korytny L.M. Veselova V.N. (2022). Myths and reefs of the climate agenda. *ECO Journal*. No. 7 (577), pp. 8–30 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-8-30.

Krugly A.L. (2019). On the "final theory". *Metaphysics*. No. 2 (32), pp. 55–59 (in Russian).

Kukarnikov D.G., Garshin N.A. (2019). Postideology and risk society: sys-

tem analysis of concepts. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*. No. 2 (32), pp. 24–32 (in Russian).

Lenin V.I. (1986). *Materialism and empirio-criticism. Critical Notes on a Reactionary Philosophy*. Moscow: Politizdat, 478 pp. (in Russian).

Lymar O.V. (2010). The category of author in the metanarrative text: a comparative analysis. *Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 123, pp. 135–142 (in Russian).

Lytard J.-F. (1998). *Postmodern condition*. Sankt-Petersburg: Aletejya, 160 pp. (in Russian).

Maslov E.S. (2015). Conception "meta-narrative" by Jean-François Lyotard in the context of narratology. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No. 2–2 (52), pp. 150–152 (in Russian).

Naydysh V.M. (2012). Rationalism and postmodernism. *RUDN Journal of Philosophy*. No. 2, pp. 6–14 (in Russian).

Podoroga B.V. (2018). The concept of metanarrative in Jean-François Lyotard's philosophy: crisis of enlightenment and postmodern alternative. *Polylogos*. Vol. 2, no. 3 (in Russian). DOI: 10.18254/S0000056-3-1.

Rossiia v poiskakh ideologiy... (2016). Martianov V.S., Fishman L.G. (eds). *Russia in search of ideologies: the transformation of value regulators of modern societies*. Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya, 334 pp. (in Russian).

Rovinskaya T.L. (2017). Development of the U.S. Green Movement: Reliance on Civil Society. *World Economy and International Relations*. Vol. 61, no. 11, pp. 43–56 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-43-56.

Rovinskaya T.L. (2021). The European Green Movement in Times of Crisis: New Approaches. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 24–33 (in Russian). DOI: 10.20542/afj-2021-4-24-33.

Selezneva A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of political and psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 49, pp. 177–192 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/18.

Selezneva A.V. (2017). Value Foundations of Political Ideologies: Political-Psychological Analysis. *Political Science*. Special Issue, pp. 365–384 (in Russian).

Skipin N.S., Morgun A.V. (2023). History of the development of the environmental movement in Russia: political aspects. *Polylogos*. Vol. 7, no. 2, article 9 (in Russian). DOI: 10.18254/S258770110026422-6.

Skipin N.S. (2023). The Development of Environmentalism and Environmen-

tal Policy in Japan, France and the United States in 1950–2000. *Public administration. Electronic Bulletin*. No. 98, pp. 138–150 (in Russian). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-138-150.

Soloviev A.I. (2001) Political ideology: the logic of historical evolution. *Polis. Political Studies*. No. 2, pp. 5–23 (in Russian).

Vodyanov N.G. (2008). Fundamentals of the jet theory of elementary particles. *Bulletin of the Chuvash University*. No. 2, pp. 24–28 (in Russian).

Volkov V.N. (2015). Postmodernity: distrust by metanarrative. *Cultural heritage of Russia*. No. 2, pp. 3–11 (in Russian).

Žižek S. (1999). *The Sublime Object of Ideology*, Moscow, 236 pp. (in Russian).